

Д. В. Васильев**Афганистан в центре Большой игры. 1878—1879. Акт первый: «Индийский поход»****К. П. Кауфмана**

Отечественная историческая наука до сих пор не имеет нарратива «Индийского похода». Он упоминается как эпизод российско-британских отношений в Центральной Азии. А опубликованные источники оставлены без анализа и обобщения. Настоящая статья представляет историю «Индийского похода», вписанную в контекст российско-британских отношений в Европе и в Азии. Примененные методы критики и анализа дипломатических документов, мемуаров участников событий позволяют реконструировать динамику внешнеполитических событий, вызванных русско-турецкой войной 1877—1878 гг. В статье показано, как российское правительство пыталось использовать военное давление на Великобританию со стороны Афганистана для того, чтобы решить европейские задачи. При этом значительная часть участников событий верила в реальность военно-политических шагов России в Центральной Азии. Тем не менее «Индийский поход» туркестанских войск изначально задумывался лишь как военная демонстрация с целью сделать британское правительство более сговорчивым на Берлинском конгрессе. На пути к этому российские дипломаты добились значительных успехов в привлечении на свою сторону эмира Шир-Али. Все эти шаги, безусловно, следует считать успехами российской дипломатии. Так или иначе, но отношения с соседним государством не ухудшились.

Ключевые слова: Индийский поход, русско-турецкая война 1877—1878 гг., Афганистан, Большая игра, Туркестан, Шир-Али, К. П. Кауфман, Берлинский конгресс.

История российского присутствия в Центральной Азии в XIX в. привлекает внимание не только широтой административных [3; 6; 7], социальных [5; 8; 10] и экономических [9; 15] преобразований на территории Русского Туркестана. Не менее интересными являются дипломатические, а точнее военно-дипломатические, перипетии региональных отношений мирового значения. События, происходившие на юго-восточной границе Российской империи, теснейшим образом были связаны с европейской (мировой) политикой второй половины XIX в., одним из самых ярких эпизодов которой был так называемый «Индийский поход» К. П. Кауфмана 1878 г., инициированный русско-турецкой войной и наложившийся на старые внешнеполитические амбиции туркестанского начальства.

Российско-афгано-британский конфликт настолько существенен для понимания смыслов столкновения интересов великих империй в Азии, а его историография настолько политизирована, что требуется время и большой круг источников для того, чтобы увидеть полихромную картину межгосударственных и личных отношений, на фоне которой разворачивалась историческая драма афганского народа, которая писалась в режиме сериала и разыгрывалась актерами с листа, когда никто из них не знал, как будет действовать в следующем акте.

Раз уж возникло сравнение внешнеполитической ситуации в Азии 1878—1879 гг. с многоактным действием, то в предлагаемой работе события того времени будут разделены на три части: ««Индийский поход» К. П. Кауфмана», «Посольство Н. Г. Столетова» и «Война эмира Шир-Али¹».

«Индийский поход» войск Туркестанского округа по горячим следам был описан заведующим Азиатской частью Главного штаба Л. Н. Соболевым [20], крупнейшим военным историком региона М. А. Терентьевым [21], а позднее А. Е. Снесаревым [19]. Два

¹ Написание имен эмиров, за исключением цитирования, приводится по: Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М. : Вост. лит. : Муравей, 2004. С. 239; Босворт К. Э. Мусульманские династии. М. : Наука, 1971. С. 273.

последних автора обратили внимание на исключительно политический характер акции, которая не преследовала официально заявленных целей, а должна была стать лишь военной демонстрацией. В советское время «Индийский поход» либо замалчивался [17, с. 92—101] или едва упоминался [18, с. 139], либо рассматривался отдельно от посольства в Кабул генерала Н. Г. Столетова как не связанное с ним [23; 24] или незначительное событие [14, с. 246]. Наиболее адекватную характеристику походу как неудачной демонстрации силы дал Г. А. Хидоятов [22, с. 258—261]. Приходится признать, что, попав под обаяние личности первого туркестанского генерал-губернатора, автор настоящей статьи сам воспринимал «Индийский поход» его глазами [4], выдавая желаемое за действительное. Поэтому предлагаемая публикация не только попытка многостороннего анализа внешнеполитической ситуации 1878—1879 гг. в Центральной Азии, но и своего рода исправление ошибок молодого исследователя.

Предлагаемый цикл статей, в особенности первая его часть, стал возможен благодаря достаточно полной публикации документов, предпринятой Т. Н. Загородниковой, которая, кроме того, предварила свой сборник весьма обстоятельной и интересной вступительной статьей [2] и стала автором нескольких статей, возвращающих интерес к заявленной теме [11—13]. Не менее важным представляется и хранящийся в Национальной библиотеке Узбекистана имени Алишера Навои сборник документов, посвященных посольству Столетова, увидевший свет в Ташкенте в 1948 г. В него вошли материалы из Национального Архива Республики Узбекистан [16]. Кроме того, в статье использованы документы личного происхождения — мемуары врача российской миссии И. Л. Яворского [25] и автобиография эмира Абд-ар-Рахман-хана [1]¹.

Исходя из того, что в предлагаемой статье в качестве источника привлекается служебная и дипломатическая переписка, то для исследования применяются методы критики и анализа письменных документов, особенно важные при использовании мемуаров И. Яворского и автобиографии эмира Абд-ар-Рахмана. Эти документы встроены в исторический контекст и представляют собой нарратив истории «Индийского похода» российских войск в 1878 г.

Заключение Сан-Стефанского мирного договора, поставившего Россию в исключительное положение на Балканах и соответственно на Средиземноморском театре, не устроило Великобританию, стремившуюся ограничить внешнеполитические приобретения нашей страны.

Еще в марте 1878 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман обозначил два направления, по которым в Азии можно было угрожать британским интересам — р. Амударья в районе Ширабада и Мерв. Успех же предстоящего мероприятия он связывал с позицией Афганистана и предлагал войти в сношение с эмиром [2, с. 46—47].

Обсуждая тот же вопрос, кавказское начальство также пришло к заключению, что наиболее эффективным ходом против Британии будет принятие Россией на себя роли «поборницы политической независимости Шир-Али-хана и защитницы его прав как самостоятельного владетеля, в чем мы и должны стараться убедить его. Такова важнейшая доля политической подготовки вопроса о наших военных действиях в Афганистане» [2, с. 49]. Из Тбилиси военная демонстрация против Индии выглядела то ли как в военном пособии, то ли как в пропагандистском памфлете: «Важность английских владений в Индии далеко превышает важность наших владений в Средней Азии, и мы стоим в своих владениях гораздо прочнее англичан. Всякое движение с нашей стороны по направлению к Афганистану, даже всякое приготовление к такому движению, произведет впечатление

¹ Имя эмира дано в написании, предложенном в книге: Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. М. : Вост. лит. : Муравей, 2004. 310 с.

в Индии и встревожит англичан. В чисто военном отношении им выгодно держаться чисто оборонительного образа действий и ждать нас в своих пределах, но условия политические и нравственные будут их понуждать двинуться нам навстречу, и нет сомнения в том, что они должны принять это последнее решение, потому что в противном случае катастрофа в Индии могла бы произойти прежде нашего приближения. Движение английских войск вперед немыслимо без их вступления в пределы Афганистана, что, судя по всем имеющимся данным, должно неминуемо повести к их враждебному столкновению, по крайней мере, с частью афганского населения. В таком случае, мы бы подошли к Афганистану уже в качестве избавителей, чего бы не изменил и наш союз с Персией» [2, с. 53—54].

Знающие люди понимали, что страна оказалась на грани войны с Великобританией. Известный ученый-ориенталист и дипломат П. И. Пашино, в отличие от военных, видел, что Россия не может нанести своему противнику какого-либо вреда. Главный недостаток он видел в нехватке денег. Но считал, что диверсия (демонстрация) в сторону Индии все равно должна быть предпринята в случае войны. Более того, он рассчитывал, что появление русских, даже на уровне слухов, может легко спровоцировать восстание индийцев. Предлагал оказать на Индию давление со стороны ее соседей, обиженных англичанами. Обращаясь 28 марта 1878 г. в МИД, выражал готовность принять участие в этом предприятии: «Если бы министерство нашло возможным поручить подобную миссию мне одному, то я решился бы выполнить ее... Но, полагаю, что если уж братья за дело, то нужно братья за него сильно и прочно, следовало бы отправить туда одного из генералов, состоящих в распоряжении г<осподина> военного министра, хоть бы, например, генерал-майора Столетова, а я бы готов был сопровождать его в Бирму в качестве человека, лично знакомого императору и всем его министрам» [2, с. 58—59]. Так, пожалуй впервые, прозвучало имя Н. Г. Столетова, хорошо знакомого с азиатской спецификой и знавшего восточные языки, как кандидатуры для осуществления провокационной миссии.

Весьма близок к П. Пашино был и знаток региона генерал-майор А. К. Гейнс, в свое время участвовавший в работе Степной комиссии и в Туркестанских походах. В своей весьма пространной записке, законченной через несколько дней, он доказывал слабость внутренних позиций англичан в Индии, подчеркнул, что «распространение русского владычества в Средней Азии и слухи о русских победах... подействовали возбуждающим образом на Индию, пробуждая там какие-то смутные надежды». Признавая, что англо-русская война может в ближайшее время стать реальностью, Гейнс заметил, что британцы не преминут использовать финансовые ресурсы для возбуждения Бухары, Хивы, туркмен и даже южных казахов Оренбуржья. И потому в качестве лучшей меры к защите южных окраин российских владений назвал временное занятие Мервского оазиса. Понимая, что англичане на это ответят множественными атаками российской границы со стороны Афганистана, генерал Гейнс признал необходимым нанести удар по индийским владениям британской короны. Наилучший выход он видел в дестабилизации положения внутри Индии (в том числе через подрывную деятельность со стороны ее соседей). А вот завершить разгром неприятеля следовало войсками, направленными через Афганистан (Кабул): «Все главнейшие пути из Средней Азии в Индию пролегают по Афганистану. Если начнется война между Англией и Россией, то сторона, которая сумеет привлечь на свою сторону Шир-Али-хана, выигрывает много шансов на успех наступления и совершенно оградит свои владения от нападения противника» [2, с. 76—83]. Так на театре будущих действий в Центральной Азии появляется второй главный герой (после Н. Г. Столетова) — эмир афганский Шир-Али.

С другой стороны, что уж заикливаться на правящем эмире?! Если он окажется несговорчивым, то «в Ташкенте живет в настоящее время Абдур-Рахман-хан, бывший владелец Балха, который приходится племянником Шир-Али-хану. <...> Если Шир-Али не примет нашего посольства, было бы крайне полезно снабдить Абдур-Рахмана значительными суммами денег, послать его в Афганистан добывать наследие своих отцов» [2, с. 84]. Таким образом, появляется и программа-минимум на афганском антибританском направлении — посольство в Кабул. Среди его задач следовало бы определить заключение союза с Афганистаном, занятие части афганской территории на северо-западе, договориться со всеми пограничными владельцами о совместных действиях против Англии, определение плана действий против Индии и распространение в ней антибританской пропаганды. Поддержать посольство А. К. Гейнс планировал занятием Герата движением через Мерв [2, с. 88]. И снова мысли генерала свободны от меркантильности: «Дороговизна похода в Герат едва ли может быть принята в соображение, если вспыхнет война между Англией и Россией. Лучше тратить большие суммы с убеждением, что они окупятся достигнутыми результатами, чем встать в пассивное положение относительно Англии, принимать удары, которые ей заблагорассудится наносить, и платить большие суммы за право только оборонить пределы империи» [2, с. 88—89].

8 апреля 1878 г. состоялось особое совещание, обсуждавшее единственный вопрос: «Следует ли одновременно с военными мерами, принимаемыми в Европейской России на случай разрыва с Англией, принять какие-либо меры на среднеазиатских наших границах и какого именно рода». Рассмотрев весь спектр официально заявленных мнений, совещание решило предложить следующие меры, направленные на антибританскую демонстрацию в Средней Азии: 1) усилить войска Туркестанского военного округа резервом; 2) выдвинуть возможно большее войско к Амударье в районе Ширабада; 3) усилить войска Закаспийского военного отдела и выдвинуть отряды к Мерву из Закаспия и Амударьинского отдела; 4) обязать войска установить дружественные отношения к местному населению районов, по которым они должны двигаться; 5) туркестанскому генерал-губернатору установить дружественные отношения с Афганистаном и, возможно, направить в Кабул посольство; 6) разослать в соседние с Индией страны эмиссаров для насаждения пророссийских настроений на случай разрыва с Англией [2, с. 89—93]. 10 апреля эти предложения получили высочайшее одобрение [2, с. 93] и стали приводиться в исполнение.

Одновременно рассматривалась возможность предложенного бароном Н. Е. Торнау похода на Индию через территорию Ирана [2, с. 59—64]. Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский тоже признавал полезным осуществить предупредительную операцию против Индии со стороны Каспийского моря на Герат и Кабул. Для этого он считал необходимым заручиться помощью Персии (и принять на себя обязательства по защите ее от англичан) и вступить в союз с афганским эмиром Шир-Али. Движение же на Мерв он считал выгодным для упрочения российского влияния в Туркмении, но почти бесполезным в плане шантажа британцев. В случае же начала войны с Британией России, по мнению Крыжановского, следовало «как бы ни стоило дорого, предпринять серьезный поход на Герат и Кабул... хотя и с большими силами и расходами, ибо только в индийских владениях своих Англия действительно уязвима, и один только страх за Индию может понизить тон ее высокомерия. Всякие другие меры и полумеры принесут только вред России, потому что поколеблют неизбежное влияние наше на Востоке. Однако же начатый поход этот должен быть окончен, чего бы он ни стоил, и там, в Индии, должен быть разыгран главнейший эпизод борьбы нашей с Англией» [2, с. 65—67]. Все

предложения оренбургского генерал-губернатора были чреватые огромными финансовыми затратами. Но русские генералы не приучены были считать ресурсы.

9 апреля 1878 г. в Ташкент ушла телеграмма военного министра с высочайшим повелением немедленно приступить к усилению Туркестанского округа резервными частями и с извещением, что «высочайшие указания относительно действий наших в Средней Азии в случае войны с Англией» будут доставлены генералом Н. Г. Столетовым [2, с. 94], на которого предполагалось возложить дипломатическую миссию. В столице ожидали, что численность войск округа увеличится на 12 000 человек из резерва и еще на 7000 за счет призыва молодых солдат. Войска планировалось двинуть к Ширабаду и Мерву (в последнем случае — совместно с частями Кавказского военного округа), а в Кабул направить посольство. При этом в своем приказе командующему войсками Туркестанского военного округа от 13 апреля Д. А. Милютин подчеркивал, что для правительства «было бы весьма неприятным обстоятельством, если бы предпринимаемое <...> демонстративное движение против Англии в Средней Азии повело бы к войне с Афганистаном» [2, с. 95—100]. А Министерство иностранных дел инструктировало туркестанского генерал-губернатора в том, что миссия генерала Столетова «должна иметь главной целью поддержание в эмире недоверия к действиям англичан и поощрение к дальнейшему сопротивлению попыткам их утвердиться в Афганистане. ...Императорское правительство всегда смотрело на Афганистан как на оплот против посягательств английской политики на независимость среднеазиатских владений, и что оно расположено оказывать с своей стороны поддержку стремлениям эмира противодействовать таким посягательствам. Само собой разумеется, что в мирное время поддержка эта будет состоять в представлениях с нашей стороны лондонскому кабинету о необходимости сохранения независимости афганского владетеля, а в случае вооруженного столкновения нашего с Англией мы можем оказать поддержку фактически» [2, с. 102].

В мае Ташкент оживился. «Готовились к походу в Индию. Издан был приказ по войскам Туркестанского округа о сформировании трех отрядов, имевших выступить в самом непродолжительном времени к южным границам округа. Все воинство туркестанское точно проснулось от долгой дремоты, зашевелилось, загудело; пошла спешная работа по снаряжению обозов, походных лазаретов, санитарных команд; закупка лошадей, вьючных принадлежностей и прочего походного скарба. ...Офицеры имели очень веселый вид, точно их чем-нибудь подарили. Везде в их кружках можно было слышать выражения крайнего удовольствия по поводу предстоящего похода. “Страсть как надоело сидеть на одном и том же месте. Скука! ...Спасибо англичанам! Хоть они нас выручили, а то куда ни погляди — везде тишь да гладь, да божья благодать; некуда, незачем и шагу сделать; так бы и сгнили в Ташкенте. Ну, так нет же! Теперь вот пойдем в Индию выгонять англичан оттуда...”. Большинство... ликовало и заранее потирало себе руки в ожидании получения подъемных, суточных и усиленных рационов» [25, с. 1—2].

Автор приведенного фрагмента, военный врач, хотя и задним числом, когда писал свои мемуары, подчеркнул почти хроническое ожидание вооруженного российско-британского конфликта: «Да ведь я и поехал в Туркестанский округ перед самой турецкой войной потому только, что предполагал движение в Индию, так как еще и тогда было заметно, что Англия станет вредить повсюду и, чего доброго, придется с ней воевать» [25, с. 5].

От М. Д. Скобелева через одного из британских газетчиков в последний день апреля в Лондон ушла телеграмма с предупреждением о концентрации российских войск на границе с Афганистаном, причем в количестве, значительно превосходящем реальность. Дополнительно сообщалось, что во главе наступающей колонны должен быть поставлен

М. Г. Черняев [2, с. 103]. Весьма сомнительное предположение, особенно для людей, знающих его биографию. Тем не менее британское правительство было вполне осведомлено о дипломатических инициативах русских в отношении афганского эмира, а также о том, что они были готовы, при необходимости, разыграть карту Абдур-Рахман-хана [2, с. 105—106]. При этом следует признать, что и российский МИД был в курсе британских демаршей вокруг Афганистана [2, с. 135].

К середине мая войска Туркестанского и Кавказского округов были готовы к выступлению, и К. П. Кауфман докладывал в столицу о готовности реализовать задачи, поставленные ему правительством: «...подготовку войск к походу можно считать почти оконченной и по выяснении положения, в котором станут к нам Бухара и Афганистан, двинуться вперед. <...> Я полагаю по приезде сюда генерала Столетова отправить его в Кабул, поручив ему поставить категорический вопрос кабульскому эмиру о том, какие ему угодно будет установить отношения к нам, выставить все выгоды доброй дружбы с нами и союза, и в то же время полагаю двинуть отряд к Ширабаду или к Амударье; если же ответ Шир-Али будет нам неблагоприятный, т<о> е<сть> если он отвергнет нашу дружбу и союз, то тогда мы имеем могучее, по-видимому, средство начать с ним борьбу в лице Абдур-Рахман-хана». Лишь с посылкой эмиссаров в соседние с Индией владения возникла проблема: «...в крае нет таких людей, на которых можно было бы возложить какие-либо серьезные политические поручения в северо-западной части Индии с шансами на успех. То другой мир, почти неведомый обитателям здешнего края» [2, с. 108—112].

Не на шутку опасаясь, что туркестанские генералы по привычке трактуют волю правительства по-своему, Д. А. Милютин своей телеграммой от 19 мая настаивал: «Вообще цель действий отрядов — прикрытие наших пределов и демонстрация», а не захват новых территорий. Установление дружественных отношений с Афганистаном напугает англичан больше, чем движение отрядов [2, с. 113].

Одновременно войска готовились, получали дополнительное довольствие и фураж, был сформирован полевой штаб во главе с полковником Н. И. Гродековым [2, с. 114—115]. При этом в Лондоне вполне понимали истинные цели российских приготовлений. «Не предполагается, что Россия должна захватить Индию, но считается, что англичане должны уйти из Индии и Индия должна быть возвращена своим прежним правителям. Не подвергается сомнению, что народ Индии поднимет восстание, когда до них дойдет слух о русских войсках, направляющихся к их стране, чтобы восстановить их свободу, но я уверен, что мы достигнем своей цели. Еще одним условием успешного осуществления этого плана является достижение понимания афганцами, через чью территорию пройдут русские войска, поскольку те с нетерпением ждут возможности отомстить за прошлое, которую может предоставить им приближение союзника», — докладывал в Форин Офис точку зрения российского правительства британский поверенный в Тегеране 2 июня 1878 г. [2, с. 122].

Иными словами, англичане прекрасно отдавали себе отчет в смысле и целях российского военного и дипломатического маневрирования. Поэтому и строили свою стратегию на том, чтобы не допустить распространения российского влияния на Афганистан. Тактически это могло быть реализовано за счет удерживания российских войск в пределах империи и сведения на нет деятельности российской миссии в Кабуле, прибытия которой в столицу Афганистана британцы ожидали со дня на день [2, с. 123].

Итак, в апреле 1878 г. российское правительство, озабоченное возможной оккупацией Афганистана англичанами, приняло решение направить миссию в Кабул с целью склонить на свою сторону эмира и даже добиться заключения с ним антибританского союза. Исполнение этой задачи было поручено генерал-майору Н. Г. Столетову, бывшему в свое

время начальником Красноводского отряда. Возможно, решающую роль в этом выборе сыграл богатый туркестанский опыт генерала, а может быть, определяющим фактором стало другое. Незадолго до описываемых событий Н. Г. Столетов руководил Болгарским ополчением, сформированным накануне войны 1877—1878 гг. Это была, пожалуй, необычная миссия — не столько военная, сколько дипломатическая, если можно сказать, непубличная. Более того, Столетов был отстранен от командования Красноводским отрядом из-за настойчивого несогласия с вышестоящим командованием по вопросу о стратегии и тактике российского присутствия на восточном берегу Каспийского моря. Так или иначе, но назначение Столетова главой кабульской миссии оставляет больше вопросов, чем ответов. Не исключено, что одиозная личность была изначально избрана с прицелом на пустой финал. Служебная биография генерала дает возможность предположить, что любой результат миссии мог быть при необходимости дезавуирован Петербургом, ибо лояльность Лондона была для него, безусловно, ценнее преданности Кабула.

Весть о прибытии в Ташкент генерала Столетова и формировании посольства мигмом облетела Ташкент. «Все были почему-то уверены, что миссия в Кабул встретит чуть ли не целую английскую армию. Многие высказывали предположения, что миссии не видать Кабула «как своих собственных ушей», что афганский эмир находится в наилучших отношениях с англичанами и, конечно, не примет миссии. Некоторые сулили нам всякие беды от разбойничьего афганского народа, но при этом прибавляли, чтобы миссия не робела, — ведь за нею же следом пойдет наше храброе туркестанское воинство, и что если что случится с нею, то мы же выручим...» [25, с. 8]. Практика показала, насколько все слухи оказались ложными.

Чуть ранее, в середине мая, войска Туркестанского военного округа под командованием начальника Амударьинского отдела полковника А. А. Гротенгельма были сосредоточены в районе бухарского Чарджуя для демонстрации против англичан, требовавших пересмотра Сан-Стефанского мира и объявивших призыв резервистов, угрожая российским владениям на Востоке.

26 мая 1878 г. миссия в составе ее начальника генерал-майора Н. Г. Столетова, его помощника полковника Н. О. Разгонова, топографа Н. А. Бендерского, переводчика персидского языка подпоручика Назирова, переводчика тюркских языков Замаан-бек-Шихалибекова, переводчика европейских языков чиновника Малевинского и врача И. Л. Яворского представилась К. П. Кауфману [25, с. 8—9]. Туркестанский генерал-губернатор сообщил Н. Г. Столетову об охлаждении эмира Шир-Али к британцам, вызванном захватом ими Калатского ханства в землях Белуджистана, что позволило установить контроль над Кандагарским театром потенциальных военных действий. Тот же маневр, вполне очевидно, обеспокоил и российскую столицу. Кауфман в этой связи в своем предписании Столетову подчеркивал: «При таком положении дел командирование Вашего превосходительства к эмиру афганскому имеет главной целью поддержание в эмире недоверия к действиям англичан и поощрение к дальнейшему сопротивлению попыткам их утвердиться в Афганистане; Ваше превосходительство может объяснить Шир-Али-хану, что императорское правительство всегда смотрело на Афганистан как на оплот против посягательств английской политики на независимость среднеазиатских владетелей и что оно расположено оказывать с своей стороны поддержку стремлениям эмира противодействовать таким посягательствам» [16, с. 15—16].

В возможном будущем столкновении двух великих держав афганскому правителю следовало быть на стороне России. А потому генерал должен был нарисовать перед эмиром вполне конкретную перспективу: ему «предстоит или сделаться совершенным вассалом Англии, а стране в непродолжительном времени превратиться в английское

резидентство, или ему предстоит быть главою самого сильного и могущественного мусульманского царства, быть в мусульманском мире преемником турецкого султана, которого власть и значение уже слишком подорваны...» [16, с. 17]. Трудно устоять перед столь откровенной лестью. Надо заметить, что еще до организации этой миссии туркестанский генерал-губернатор писал в Кабул об успехах России в войне с Турцией, о захвате Китаем Кашгара, что должно было заставить Шир-Али задуматься о будущем своей страны.

Предложив эмиру однозначно признать себя союзником России, положившись на любую с ее стороны помощь, Столетов должен был пообещать Шир-Али «восстановление старой границы Афганистана и подчинение ему прежде вассального Белуджистана» как самое малое вознаграждение в случае военного столкновения с Британией [16, с. 17].

Вполне понятно, что реальной целью миссии Столетова было стремление защитить российские владения в Центральной Азии. Переговоры с эмиром были интересны для Петербурга во всех отношениях. При мирном развитии событий они должны были дипломатическими способами позволить удержать лондонский кабинет от установления контроля над Кабулом, а в случае военного столкновения — обеспечить вооруженную поддержку эмира. Поэтому на войска под Чарджуем эмир Шир-Али должен был смотреть «как на силу ему дружелюбную, на которую он может смело опереться в том случае, если бы пожелал воспользоваться нынешними крайне для него благоприятными обстоятельствами и положить предел дальнейшим посягательствам англичан на вмешательство во внутренние дела Афганистана» [16, с. 16]. Независимость Афганистана должна была стать залогом безопасности российских владений в регионе. Однако не следует сбрасывать со счетов, что официальный текст главы дипломатической миссии мог отличаться от реальных целей правительства. И перед генералом Н. Г. Столетовым была поставлена еще одна задача: «...Хладнокровно и основательно изучить настоящее положение эмира, как далеко может простираться его власть в стране, имеет ли он действительно способы и возможность получить от страны все необходимое, если бы, действительно убежденный вашими доводами, он вознамерился искренне отдаться нашему влиянию» [16, с. 17].

На миссию возлагались и чисто разведывательные функции: «1) собрать подробные сведения о средствах страны, касательно продовольствия и перевозочных средств, в случае вступления туда наших войск; что, каким образом, где и за какую цену там может быть приобретено; 2) снять путь от реки Аму до Кабула, а равно и те боковые пути и пункты, где бы Вам пришлось быть; 3) сколько можно осмотреть, а также определить численность и качество афганских войск регулярных и милиции; 4) собрать сведения о численности и расположении английских войск; желательно устроить это дело так, чтобы сведения эти постепенно обновлялись согласно с изменениями английской дислокации; 5) вступить в сношения с возможно большим числом влиятельных лиц независимого от эмира Восточного Афганистана и самого Индустана; узнать от них о настроении в тех странах умов населения и стараться через сказанных личностей действовать в смысле, враждебном английскому владычеству, а если можно, то и найти людей, которые были бы способны служить нам эмиссарами для распространения партии, враждебной англичанам» [16, с. 18].

Иными словами, миссии следовало создать в стране шпионскую сеть, а также собрать сведения о военном потенциале страны и реальном положении в ней эмира — информацию, необходимую для принятия решения о возможности ведения совместных военных действий против Великобритании.

Рассуждая о готовности российского правительства, чью волю выражал К. П. Кауфман, к военным действиям с англичанами, следует признать, что в начале этой истории власти выражали весьма серьезные намерения: «В случае если бы Ваше превосходи-

тельство увидели, что эмир действительно решился склониться в нашу сторону, то вам предоставляется полное право не только оказать ему содействие в смысле, враждебном Англии, своими советами и наставлениями, но и принять на себя заведование или командование той частью средств или сил страны, которая Вам, по соглашению с эмиром, покажется более всего важной в оборонительном или наступательном отношении против Англии» [16, с. 18].

Через два дня генерал-губернатор направил в Кабул уведомление о предстоящем визите российского посольства [16, с. 19]. А еще через день К. П. Кауфман направил Д. А. Милютину копию своего предписания генералу Столетову от 26 мая [16, с. 20]. Миссия, в которую кроме названных выше участников вошли 22 казака, выдвинулась из Самарканда в направлении Джама 2 июня 1878 г. [25, с. 24]. На подарки была выделена 1000 руб., а на экстраординарные расходы — весьма значительная сумма в 3000 руб. [16, с. 18—19].

Уже после отправления посольства поступило высочайшее повеление «по сосредоточении всего отряда у Джама не предпринимать дальнейшего движения за границу...» [2, с. 123]. Вот что писал об этом форпосте Индийского похода Кауфмана один из членов миссии генерала Столетова: «На картах, имевшихся у нас, Джам был обозначен укреплением. Поэтому, подъезжая к нему, я ожидал увидеть грозные валы с амбразурами и с выглядывающими оттуда темными массами орудий. Ничего подобного не оказалось. Джам — просто небольшой кишлак, заселенный узбеками. Он расположен почти в центре небольшой котловины, окруженной невысокими холмами. Мелкая мутная речка пересекает эту котловину с востока на запад. Невдалеке, к юго-востоку от селения, белели солдатские палатки. Уже несколько дней здесь стоял 9-й линейный батальон, изображая из себя авангард главного отряда туркестанских войск. Еще левее, ближе к горам, на вершине невысокого холма, виднелись развалины бывшей здесь бухарской крепостцы. Эта крепостца и была некогда укреплением Джам. Эта местность была назначена сборным пунктом для всего главного отряда, намеревавшегося выступить к границам Индии» [25, с. 29].

На этот раз туркестанским генералам приходилось следовать за дипломатами. С самого начала июля генерал-губернатор проводил смотры войск [2, с. 133—134], а военный министр уведомлял главнокомандующего Кавказским военным округом великого князя Михаила Николаевича: «Ввиду настоящего положения политических дел, по всем вероятностям, наступательное движение отрядов вовсе не состоится» [2, с. 135]. Сам К. П. Кауфман спустя шесть дней также был уведомлен о скорой перспективе роспуска отрядов [2, с. 143]. Ожидаемый приказ поступил еще через десять дней 18 июля 1878 г. [2, с. 146].

Путь миссии складывался непросто. Еще накануне пересечения афганской границы 12 июня генералу Столетову во время следования по бухарской территории было доставлено письмо от великого наместника в Мазари-Шарифе. Членов посольства впечатлил не столько облик нарочного Мамет-хана, более походящего на европейца, сколько содержание депеши. Она предписывала российским посланцам задержаться на границе на 10 дней из-за отсутствия соответствующего дозволения Шир-Али. Однако это не оставило посольство. Было решено продолжить движение, направив в ответ уведомление, «что “миссия не может ожидать разрешения, оставаясь на берегу Аму, считая это постыдным для имени русского; что он, генерал, готов оставить конвой и свиту и ехать один; что не видит для себя ничего постыдного, если будет на дороге убит, ограблен или взят в плен, но ожидать отказывается; что кроме того обещает в случае, если эмир Шир-Алихан не пожелает миссию принять, вернуться немедленно с того места, где его застанет собственноручное эмира о том объявление» [25, с. 91—92]. Переправа через Аму вызва-

ла затруднение — афганцы отказались пропускать иностранцев на свою территорию. Собравшись на совет, миссия решила воздержаться от форсирования реки. Однако вскоре недоразумение прояснилось и из Кабула пришло разрешение следовать в Мазари-Шариф [25, с. 99—103], где пришлось надолго задержаться, а главу миссии застала лихорадка, распространившаяся и на других членов и служащих посольства [25, с. 147]. 4 июля последовало дозволение двигаться в Кабул [25, с. 150].

Проходя через Бамианскую долину, путешественники осмотрели знаменитые статуи Будды, уничтоженные в 2001 г. И это обстоятельство позволяет привести описание одного из этих уникальных сооружений.

«Много веков пронеслось над головой этого великана, а он так же непоколебимо стоит и теперь, как и прежде. И люди и стихии делали свое разрушительное дело, но ни землетрясения, ни пушечные выстрелы фанатиков-мусульман не уничтожили этого великана; эти соединенные усилия только немного изуродовали его. <...> В отвесной скале вышиной около 200 футов [ок. 61 м. — Д. В.] высечена ниша шириною около 10-ти саж^{ень} [более 2 м. — Д. В.]; углубление ее в скалу равняется приблизительно 5—7 саж^{еням} [1—1,5 м. — Д. В.]. Скала состоит из конгломерата. Внутри ниши находится один колосс, вышиной около 140 футов [ок. 43 м. — Д. В.]. Три поверхности колосса свободны: передняя и обе боковые; задняя же не отделена от скалы. Лицо колосса отсечено до нижней губы; уши сохранились; около шеи идет кирпичная ограда в виде галереи. Грудь истукана широкая и плоская. Руки по локоть прижаты к туловищу; далее они отбиты. Ноги ниже колен изуродованы, по рассказам афганцев, пушечными выстрелами. Колосс одет в плащ, сделанный из штукатурки; плащ очень хорошо сохранился в верхней своей части. На местах, где штукатурка обвалилась, заметны углубления как будто от бывших здесь гвоздей, скреплявших штукатурку. Стены ниши также покрыты штукатуркой, вообще хорошо сохранившейся. Сводообразная верхняя часть ниши, именно место над головой колосса, покрыта фресками, изображающими человеческие группы и отдельные фигуры. <...> Над некоторыми фигурами находится нечто вроде сияния. <...> Между ногами колосса находится вход в обширную пещеру, покрытые копотью своды которой свидетельствовали о том, что она когда-то была обитаема» [25, с. 256—257].

На подступах к Кабулу миссию встретил министр эмирского двора сердарь Абдулла-хан. Среди прочего он поведал, что еще в конце 1830-х гг. встречал российского посла Я. В. Виткевича, который и остановился в его кабульском доме: «Еще тогда... было для нас ясно, что только в союзе с Россией можно достигнуть мирного развития государства. Уже тогда эмир Дост-Магомет-хан в одной России видел оплот против всепоглощающего захвата англичан. Правда, Россия тогда не помогла нам, но, вероятно, действительно не было возможности помочь нам каким бы то ни было способом. Впрочем, тогда мы и одни сумели справиться с нашими кровными врагами. Теперь же сын Дост-Магомета эмир Шир-Али-хан приглашает вас к себе в Кабул как дорогих гостей — вестников мира и добра. Да даст Аллах, чтоб наша дружба не имела никогда поводов к сожалению!» [25, с. 305]. Трудно удержаться, чтобы не заметить, что и в этот раз у России не оказалось возможности помочь афганцам. Сердарь еще не знал, что буквально за два дня до этой встречи, 25 июля, в Ташкенте был отдан приказ о расформировании собранных для похода в Афганистан воинских частей и увольнении людей в запас [2, с. 150—151].

Находясь уже в 15 верстах от Кабула, вечером 28 июля миссия в почте из Ташкента получила копию телеграммы из Петербурга, которая извещала об окончании Берлинского конгресса. В сопроводительном письме К. П. Кауфман сокрушался: «Если только телеграмма верна, то она очень печальна». Это означало, что миссия, как и поход на Индию, теряли смысл. Исчезли повод давления на Британию и причина для русско-английской

войны. И туркестанский генерал-губернатор «советовал начальнику миссии в переговорах с афганским правительством воздерживаться от каких-либо решительных мер, обещаний и т.п., и вообще не заходить так далеко, как это можно было бы в противном случае, т.е. в случае, если бы нам угрожала война с Англией» [25, с. 312].

Российское правительство стремилось либо скрыть, либо официально откреститься от посольства генерала Н. Г. Столетова. Даже когда оно уже находилось на территории Афганистана [2, с. 133], товарищ министра иностранных дел убеждал Лондон в том, что «никакая... миссия не была направлена и нет намерений направлять таковую ни у императорского правительства, ни у генерала Кауфмана» [2, с. 135]. И действительно, к этому времени настроения российского правительства изменились. Созыв Берлинского конгресса снял российско-британскую напряженность, и необходимость военной экспедиции (и даже демонстрации) отпала. Это понимали все участники конфликта, за исключением, пожалуй, Афганистана. Английский посол в Петербурге 3 июля 1878 г. доносил в Лондон: «Не подлежит сомнению, что в видах возможности возникновения войны с Англией русское правительство и русский генерал-губернатор Туркестана готовят военную экспедицию к нашей индийской границе без, как я полагаю, большой надежды на успех, более для того, чтобы служить угрозой и с надеждой создания внутренних трудностей для правительства Индии... Но так как собрался конгресс [Берлинский. — Д. В.] и дела приняли более мирный характер, эти военные приготовления, кажется, были полностью приостановлены...» [2, с. 137—138].

Однако не следует воспринимать политику Российской империи в регионе столь однозначно, ставя ее лишь в непосредственную зависимость от европейского политического театра.

В период борьбы за престол в Кабуле эмира Шир-Али его племяннику Абд-ар-Рахман-хану пришлось по совету отца Афзул-хана бежать в бухарские пределы. Пробыв 10 дней у ширабадского бека, он получил от бухарского эмира приглашение погостить, чем и не преминул воспользоваться. Согласно воспоминаниям самого Абд-ар-Рахмана, эмир встретил его весьма милостиво, простив даже некоторую дерзость, свойственную суверенам [1, с. 79—82]. Однако, отказавшись от предложенного ему высокого сановного поста, Абд-ар-Рахман, по его собственным словам, превратился в государственного пленника [1, с. 83], хотя и содержавшегося достойно.

Тем временем русские войска заняли Ташкент, эмир вынужден был выехать в Самарканд, а Шир-Али после настойчивых просьб получил разрешение покинуть эмират, отправился в Балх, а спустя какое-то время оказался в Кабуле у своего дяди эмира Магомет-Азима. Находясь под влиянием своих советников, Магомет-Азим отправил племянника обратно в Балх [1, с. 127]. Войска Шир-Али все больше и больше подчиняли себе Афганистан, а Абд-ар-Рахман-хан со своим дядей, вынужденным покинуть Кабул, обратились в бегство. Одним из остановочных пунктов на их пути был иранский Мешхед. Намереваясь идти в Русский Туркестан, Абд-ар-Рахман обратился за разрешением к шаху Насир-ад-Дину. Заручившись им, он отправился через туркменские земли в Хиву, где радушно был принят ханом Сеид-Мухаммед-Рахимом. Наконец, Абд-ар-Рахман вновь оказался в Бухаре, которая теперь уже была в российской зависимости. Но самое интересное было впереди. Целью наследника афганского престола был российский Самарканд.

Абд-ар-Рахман, по его собственным словам, был радушно встречен начальником Зеравшанского округа, равно как и несколько позднее туркестанским генерал-губернатором в Ташкенте. Дни проходили в приемах, парадах и праздновании Рождества. Во время одной из встреч К. П. Кауфман передал наследнику приглашение государя посетить Петербург. Абд-ар-Рахман не смог принять это предложение, сославшись на нежелание

оставить без попечения свою свиту в 500 человек. Император Александр II признал такой ответ заслуживающим уважения и повелел приобрести для изгнанника земельный участок в Ташкенте или Самарканде и выделил ежемесячную пенсию. Вскоре близ одних из самаркандских ворот для Абд-ар-Рахмана был куплен сад, принадлежавший бухарскому правительству, где тот и жил в течение 11 лет [1, с. 194—199].

Высшие чины туркестанской администрации с большим вниманием относились к изгнаннику. Не раз приглашали его участвовать в военных экспедициях (в том числе в Хивинской). Но не этим было продиктовано радушие российских властей. Афганский принц пишет: «Однажды [скорее всего, летом 1874 г. — Д. В.] генерал-губернатор прислал за мною и передал мне, что русская армия готовится выступить в Афганистан; при этом он спрашивал меня, пойду ли я тоже. Я ответил на это, что если русские намереваются завладеть Афганистаном для себя, то какая польза от моего участия? Но если они желают возвратить эту страну мне, то стоит им только приказать, и я ручаюсь вновь овладеть Афганистаном при помощи лишь 1000 человек кавалерии и одной батареи» [1, с. 206]. Эта цитата — свидетельство не столько «восточной мудрости» Абд-ар-Рахман-хана, сколько, скорее всего, намерение автора мемуаров подчеркнуть значимость своей персоны и едва ли не божественный дар предвидения. Хотя у нас нет оснований исключать возможности подобной беседы, особенно с учетом того, что К. П. Кауфман всегда не без интереса смотрел в сторону Афганистана и индийских владений Великобритании. И в этом контексте нет ничего удивительного в том, что российская администрация с готовностью приняла на своей территории потенциального претендента на кабульский престол, одновременно укрепляя чрезвычайно дружественный и доверительный характер отношений с правящим эмиром Афганистана.

Рассмотренные выше документы однозначно убеждают в том, что так называемый «Индийский поход» туркестанских войск был российской военно-политической демонстрацией с целью сделать британское правительство более сговорчивым на Берлинском конгрессе. Для пущей важности в это мероприятие были втянуты дипломаты, войска и кабульское правительство. Много сил и энергии, в отдельных случаях вполне искренне, было затрачено на то, чтобы превратить афганского эмира Шир-Али в рьяного поборника России. И это, равно как и сам «Индийский поход», можно отнести к безусловным успехам отечественной дипломатии. Так или иначе, но отношения с соседним государством не ухудшились. Более того, в период этого акта Большой игры Россия приютила будущего эмира Афганистана, который всегда с уважением относился к северному соседу. На этом российско-британское противостояние не прекратилось. С российской территории оно перекинулось на Афганистан и на какое-то время вернулось в дипломатические рамки.

Благодарности. *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.*

Список использованных источников и литературы

1. Абдурахман. Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. Т. 1. СПб. : В. Березовский, 1901. 388 с.
2. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии : сб. архив. док. / сост., предисл. и примеч. Т. Н. Загородникова. М. : Новый хронограф, 2014. 358 с.
3. Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.
4. Васильев Д. В. Полпред Российской империи // Военно-исторический журнал. 2003. № 4. С. 46—49.
5. Васильев Д. В. Реорганизация казахского общественного управления в контексте столыпинской аграрной реформы [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогическо-

го университета. Электронный научный журнал. 2019. № 4 (32). С. 80—89. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2019/articles/6_32_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.6.

6. Васильев Д. В. Российская империя в Центральной Азии: опыт управления окраиной [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, № 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006019-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006019-9.

7. Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М. : ИБП, 2015. 303 с.

8. Васильев Д. В., Васильев С. Д. К вопросу о российском культурном влиянии на повседневность народов Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2021. № 10-1. С. 47—58.

9. Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Закаспийская железная дорога как фактор региональной политики Российской империи в Центральной Азии (по материалам прессы) // Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2020. С. 14—23.

10. Васильев С. Д. Туркмены в контексте региональной внешней политики в Центральной Азии первой половины XIX в. // Oriental Studies. 2021. № 4. С. 658—672.

11. Загородникова Т. Н. «Индийский поход» Александра II и его последствия // Азия и Африка сегодня. 2005. № 11 (580). С. 51—53.

12. Загородникова Т. Н. «Индийский поход» русской армии // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2004. № 3. С. 134—142.

13. Загородникова Т. Н. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н. Г. Столетова в Кабул // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2006. № 4. С. 21—36.

14. История Афганистана. Т. 2. М. : Наука, 1965. 551 с.

15. Мазаев Н. А. Экономика Русского Туркестана в конце XIX — начале XX в.: к вопросу о монокультурах // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII—XIX вв. М. : ОнтоПринт, 2020. С. 56—72.

16. Посольство генерала Столетова в Афганистане (1878—1879 гг.) : сб. док. / ред. А. В. Станишевский. Ташкент, 1948. 155 с.

17. Россия и Афганистан. М. : Наука, 1989. 208 с.

18. Россия и Индия. М. : Наука, 1986. 354 с.

19. Снесарев А. Е. Афганистан. М. : Гос. изд-во, 1921. 244 с.

20. Соболев Л. Н. Англо-Афганская распря: (Очерк войны 1879—1880 гг.). Вып. 1—8. СПб. : Тип. д-ра М. А. Хана, 1880—1885.

21. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб. : Типо-лит. В. В. Комарова, 1906. 547 с.

22. Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.). Ташкент : Фан, 1969. 456 с.

23. Юлдашбаева Ф. Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии. Ташкент : Госиздат УзССР, 1963. 191 с.

24. Юлдашбаева Ф. Русско-афганские разграничения и усиление английской агрессии в Средней Азии и Афганистане (1872—1880) // Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1955. Вып. 68. С. 73—105.

25. Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Авганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 1. СПб. : Тип. д-ра М. А. Хана, 1882. 383 с.

Поступила в редакцию 07.02.2022

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
E-mail: dvvasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6616-0646

UDC 94(47)“1878/1879”

D. V. Vasilyev

Afghanistan at the Center of the Great Game. 1878—1879. Action One: “Indian Campaign” of K. P. Kaufman

Russian historical science still does not have a narrative of the “Indian campaign”. It is mentioned as an episode of Russian-British relations in Central Asia. Published sources are left without analysis and generalization. This article presents the history of the “Indian campaign”, inscribed in the context of Russian-British relations in Europe and Asia. The applied methods of criticism and analysis of diplomatic documents, memoirs of participants in the events make it possible to reconstruct the dynamics of foreign policy events caused by the Russian-Turkish war of 1877—1878. The article shows how the Russian government tried to use military pressure on the UK from Afghanistan in order to solve European problems. Furthermore, a significant part of the event participants at that time believed in the reality of Russia’s military-political steps in Central Asia. Nevertheless, the “Indian campaign” of the Turkestan troops was originally conceived only as a military demonstration in order to make the British government more accommodating at the Berlin Congress. On the way to this, Russian diplomats have achieved significant success in attracting Emir Shir-Ali to their side. All these steps should certainly be considered part of successful Russian diplomacy. One way or another, but relations with the neighboring state did not deteriorate.

Key words: Indian campaign, Russian-Turkish war of 1877—1878, Afghanistan, Great Game, Turkestan, Shir-Ali, K. P. Kaufman, Berlin Congress.

Vasilyev Dmitry Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow City University
Russian Federation, 129226, Moscow, 2 Sel’skokhozyaistvennyi proezd, 4
E-mail: dvvasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6616-0646

References

1. Abdurakhman. *Avtobiografiya Abdurakhman-khana emira Afganistana. T. I* [Autobiography of Abdurahman Khan, Emir of Afghanistan. Vol. 1]. St. Petersburg, V. Berezovskii Publ., 1901. 388 p. (In Russian)
2. “Bol’shaya igra” v Tsentral’noi Azii: “Indiiskii pokhod” russkoi armii: sbornik arkhiv. dokumentov [“Great Game” in Central Asia: “Indian campaign” of the Russian army. A collection of archival documents]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2014. 358 p. (In Russian)
3. Vasil’ev D. V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral’noi Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [Burden of the empire. Russian administrative policy in Central Asia. Second half of the 19th century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 638 p. (In Russian)
4. Vasil’ev D. V. Polpred Rossiiskoi imperii [Plenipotentiary of the Russian Empire]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2003, no. 4, pp. 46—49. (In Russian)
5. Vasil’ev D. V. Reorganizatsiya kazakhskogo obshchestvennogo upravleniya v kontekste stolypinskoi agrarnoi reformy [Reorganization of Kazakh public administration in the context of the Stolypin agrarian reform]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2019, no. 4 (32), pp. 80—89. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2019/articles/6_32_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.6. (In Russian)
6. Vasil’ev D. V. Rossiiskaya imperiya v Tsentral’noi Azii: opyt upravleniya okrainoi [Russian Empire in Central Asia: Peripheral Administration Experience]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal “Istoriya” — The Journal of Education and Science “ISTORIYA” (“History”)*, 2019, vol. 10, no. 8 (82). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006019-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006019-9. (In Russian)
7. Vasil’ev D. V. *Forpost imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral’noi Azii. Seredina XIX veka* [Outpost of the empire. Russian administrative policy in Central Asia. Mid 19th Century]. Moscow, IBP Publ., 2015. 303 p. (In Russian)
8. Vasil’ev D. V., Vasil’ev S. D. K voprosu o rossiiskom kul’turnom vliyani na povsednevnost’ narodov Tsentral’noi Azii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [On the problem of the Russian cultural influence on

the everyday life of the peoples of Central Asia in the second half of the 19th — early 20th century]. *Voprosy istorii*, 2021, no. 10-1, pp. 47—58. (In Russian)

9. Vasil'ev D. V., Mazaev N. A. Zakaspiiskaya zheleznaya doroga kak faktor regional'noi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii (po materialam pressy) [The Trans-Caspian Railway as a Factor of the Regional Policy of the Russian Empire in Central Asia (Based on Press Materials)]. *Industrial'noe stroitel'stvo v Tsentral'noi Azii: istoricheskoe znachenie dlya regiona* [Industrial Construction in Central Asia: Historical Significance for the Region]. Barnaul, Altaiskii gos. un-t Publ., 2020, pp. 14—23. (In Russian)

10. Vasil'ev S. D. Turkmeny v kontekste regional'noi vneshnei politiki v Tsentral'noi Azii pervoi poloviny XIX v. [The Turkmens in Russia's Foreign Policy in Central Asia, Early to Mid 19th Century]. *Oriental Studies*, 2021, no. 4, pp. 658—672. (In Russian)

11. Zagorodnikova T. N. "Indiiskii pokhod" Aleksandra II i ego posledstviya ["Indian campaign" of Alexander II and its consequences]. *Aziya i Afrika segodnya — Asia and Africa Today*, 2005, no. 11 (580), pp. 51—53. (In Russian)

12. Zagorodnikova T. N. "Indiiskii pokhod" russkoi armii ["Indian campaign" of the Russian army]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' — Vostok (Oriens)*, 2004, no. 3, pp. 134—142. (In Russian)

13. Zagorodnikova T. N. "Indiiskii pokhod" russkoi armii i missiya generala N. G. Stoletova v Kabul ["Indian campaign" of the Russian army and the mission of General N. G. Stoletov to Kabul]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' — Vostok (Oriens)*, 2006, no. 4, pp. 21—36. (In Russian)

14. *Istoriya Afganistana. T. 2* [History of Afghanistan. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 551 p. (In Russian)

15. Mazaev N. A. Ekonomika Russkogo Turkestana v kontse XIX — nachale XX v.: k voprosu o monokul'turakh [The economy of Russian Turkestan in the late 19th — early 20th centuries: on the issue of monocultures]. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII—XIX vv.* [Central Asia at the crossroads of European and Asian political interests: 18—19th centuries]. Moscow, OntoPrint Publ., 2020, pp. 56—72. (In Russian)

16. *Posol'stvo generala Stoletova v Afganistane (1878—1879 gg.): sb. dok.* [Embassy of General Stoletov in Afghanistan (1878—1879). A collect. of documents]. Tashkent, 1948. 155 p. (In Russian)

17. *Rossiya i Afghanistan* [Russia and Afghanistan]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 208 p. (In Russian)

18. *Rossiya i Indiya* [Russia and India]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 354 p. (In Russian)

19. Snesev A. E. *Afghanistan* [Afghanistan]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1921. 244 p. (In Russian)

20. Sobolev L. N. *Anglo-Afganskaya raspriya: (Ocherk voiny 1879—1880 gg.). Vyp. 1—8* [Anglo-Afghan strife: (Outline of the war of 1879—1880). Iss. 1—8]. St. Petersburg, Tip. d-ra M. A. Khana Publ., 1880—1885. (In Russian)

21. Terent'ev M. A. *Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. T. 2* [History of the conquest of Central Asia. Vol. 2]. St. Petersburg, Tipo-lit. V. V. Komarova Publ., 1906. 547 p. (In Russian)

22. Khidoyatov G. A. *Iz istorii anglo-russkikh otnoshenii v Srednei Azii v kontse XIX v. (60—70-kh gg.)* [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the 19th century (60—70s)]. Tashkent, Fan Publ., 1969. 456 p. (In Russian)

23. Yuldashbaeva F. Kh. *Iz istorii angliiskoi kolonial'noi politiki v Afganistane i Srednei Azii* [From the history of British colonial policy in Afghanistan and Central Asia]. Tashkent, Gosizdat UzSSR Publ., 1963. 191 p. (In Russian)

24. Yuldashbaeva F. Russko-afganskii razgranicheniya i usilenie angliiskoi agressii v Srednei Azii i Afganistane (1872—1880) [Russian-Afghan demarcations and strengthening of British aggression in Central Asia and Afghanistan (1872—1880)]. *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Central Asian State University]. Tashkent, 1955, is. 68, pp. 73—105. (In Russian)

25. Yavorskii I. L. *Puteshestvie russkogo posol'stva po Avganistanu i Bukharskomu khanstvu v 1878—1879 gg. T. 1* [Journey of the Russian Embassy in Afghanistan and the Bukhara Khanate in 1878—1879. Vol. 1]. St. Petersburg, Tip. d-ra M. A. Khana Publ., 1882. 383 p. (In Russian)